

Страна Тун.

Во дворце принца Цин Ли — Тунъань.

— Тошнит... — Кислая жидкость подкатила к груди, и Чан Лю, не выдержав, согнулась пополам, опорожняя желудок.

Служанки спешно, держа двумя руками, поднесли бронзовый таз госпоже, а не находящая себе места от волнения Ши Минь утешающе гладила принцессу по спине и, обратившись к слугам снаружи, спросила:

— Придворный лекарь, в конце концов, прибыл?

— Не стоит волноваться, возможно, госпожа съела что-то не то.

Её Высочество полностью опустошила желудок и, ослабев, подняла бледное лицо.

— Принцесса не терпит беспечности, потому служанка тщательно проверяет еду Её Высочества, — недовольно покачала головой Ши Минь и, взяв расшитое полотенце, чтобы тщательно промокнуть пот, заворчала: — Не служанке плохо говорить о принцессе, но принцесса слишком небрежно относится к себе. Несколько дней назад принцессе не хотелось ничего есть, тогда нужно было немедленно послать за придворным лекарем, но принцесса, наоборот, сказала, что ночью выпила холодной воды и, боясь доставить беспокойство, не позволила поднять шум. Вчера тоже рвало, так принцесса же сказала, что это от переедания, а сейчас, мол, полегчало, но внезапно Ваше Высочество вновь стошнило, а сама госпожа побледнела, словно полотно...

— Хорошо, — горько смеясь, сказала Чан Лю, — до каких пор будешь ворчать? Со мной уже такое случилось, а ты по-прежнему меня ругаешь. — Лицо принцессы внезапно застыло.

Ши Минь, понимая, что принцессе вот-вот опять станет плохо, спешно обернулась, крича:

— Скорее принесите бронзовый таз, ещё чистые и мягкие полотен... — не успела служанка договорить, как Её Высочество внезапно наклонилась и, прижав ладонь к груди, со слезами на глазах вытошнила съеденное в полдень.

Воздух заполнил кислый запах рвотных масс. Чем больше Ши Минь смотрела, тем меньше становилось подозрений, что до этого охватывали душу. Дождавшись, когда служанки приберутся и, повинаясь приказу, выйдут из комнаты, девушка лично позаботилась о Её Высочестве, подав стакан тёплой воды, дабы госпожа прополоскала рот, после чего приглушённо позвала:

— Принцесса.

— М?

— Ваша служанка видит, в каком Вы состоянии, и как Вас тошнит, должно быть... — девушка хотела что-то сказать, но промолчала.

— Должно быть что?

— Должно быть... забеременели.

Чан Лю, в свою очередь, остановилась и, одарив Ши Минь недоумённым взглядом в тот момент, когда девушка прервала себя на полуслове, замолчав перед Её Высочеством, горько усмехнулась:

— Да разве такое возможно? Цин Ли с тех пор, как та хули-цзин[1] переступила порог дворца, уже третий месяц ежедневно находится у неё. Подобное... Неужели я в одиночку смогла...

Ши Минь, подумав, вздрогнула, но в голову пришло то, что её ошеломило.

— Маловероятно. — Служанка подняла голову и взволнованно проронила: — Принцесса забыла о случившемся в прошлом месяце? Его Высочество Цин Ли, перебрав с вином, глубокой ночью по ошибке явился к Вам. Принцесса тогда уже ложилась спать, а от визита Его Высочества опешила, в тот вечер не могло...

Придя в недоумение и нерешительность, Чан Лю слегка покраснела, тонко пискнув:

— Возможно?.. Но на протяжении того времени, что мы были вместе, государь очень ждал вести о внуке, Цин Ли ночь за ночью одаривал ласками, но всё оборачивалось напрасной радостью. Этот раз отличался от предыдущих, но если мне удастся родить для него, то, боюсь, судьба ребёнка будет также несчастной. — Печаль охватила разум, и принцесса невольно смахнула выступившую слезу.

Ши Минь понимала — госпожа права, подобное счастье, посланное Небом, было едва ли возможным, тем более та лисица, Чан И, сейчас, к счастью или к сожалению, лишила Цин Ли рассудка, в таком случае каковы шансы забеременеть? И вместе с госпожой служанка вытерла слёзы.

Тихо проронив несколько слёз, Чан Лю, через силу улыбнувшись, прервала молчание:

— Не нужно плакать, подобного уже не исправить[2], а рыдать из-за него — напрасно тратить слёзы. В конце концов, вчерашний дворцовый банкет позволил мне увидеть изящные манеры и таланты князя Мина. На самом деле это выдающийся человек, который, едва продемонстрировав часть своих силы и осведомлённости, показался крайне непростой личностью в сравнении со знатью. Сейчас мне спокойно на душе из-за создавшегося с ним

союза. Да, кстати, он отправил людей, дабы с нами связаться?

— В настоящее время пока нет. — Ши Минь, будучи совершенно неопытной женщиной, увидела, что принцесса больше не опечалена, и, уняв горечь, изменилась в лице, став крайне осторожной, после чего служанка подошла к окну и, осмотревшись по сторонам и убедившись, что никто не подслушивает, ответила: — Ваша служанка у малых ворот двора разместила надёжных людей, которые без усталости ожидают вестей от князя Мина.

— Их не обнаружат?

— Принцесса может успокоиться, отвечающий за это дело — управляющий рода Сяо, который крайне тщательно ведёт дела, а мы уже хорошенько договорились: если князь Мин пошлёт людей, чтобы связаться с нами, постоянно находящийся у маленьких ворот вестник — мой старший двоюродный брат[3] Ши Юэ — отправится меня искать, а я, получив новость, разумеется, пойду к воротам, где меня будут ждать. Ши Юэ тогда служил советником у юньиньской знати и в прошлом году однажды уже приезжал в Тунцзэ, потому, услышав его имя в ответ, ни у кого не возникнет подозрений.

Чан Лю, успокоившись, неспешно кивнула и сказала, вздохнув:

— Надеюсь, князь Мин как можно скорее свяжется с нами, я с удовольствием сообщу о последних вещах, совершённых Цин Ли. О, Небо-о, прошу, спаси и сохрани князя Мина, чтобы он спокойно мог покинуть Тун, не позволяй ему попасть в беду в этих землях. Иначе не только с царствующим родом Тун случатся неприятности, но и Жун Тянь вместе с родом Сяо, боюсь, даже невинного и светлого человека в северной столице не пощадят. — Сложив молитвенно руки, женщина, изогнув изящную шею, подняла лицо кверху, закрыла глаза и молча стала умолять небесных духов.

Из всего окружения только Ши Минь как никто понимала невыносимое положение госпожи, которая являлась принцессой Чжаобэй и попавшей в опалу женой Цин Ли, выгода правящих родов Тун и Чжаобэй была тесно связана с ней, и если Цин Ли совершит какую-нибудь ошибку, то последствия неотвратимо затронут и её. Но сейчас, когда, сохраняя такую секретность, она заключила союз с врагом Цин Ли князем Мином, если принц прознает, то подобное обязательно будет считаться непростительной изменой.

Для женщины, находящейся в крайне затруднительном[4] положении, единственной надеждой являлся успешный союз с силэйским князем и что разработанный Цин Ли план убийства потерпит поражение, к тому же Цин Ли должен остаться в неведении того, что собственная супруга некогда уже связывалась с врагом. Такой идеальный финал действительно нуждался в небесном покровительстве и только тогда мог претвориться в жизнь.

Ши Минь утешала:

— Принцесса, успокойтесь, мы уже усердно стараемся сохранить жизнь князю Мину. К тому же принц Хэ Ди, в настоящее время проживающий во дворце Тунъань, тоже является другом

князя Мина и несомненно может помочь Его Светлости. Притом Его Высочество Цин Ли в одночасье подвергся чарам той хули-цзин, а когда князь Мин в целостности и сохранности покинет Тунцзэ, мы вновь предпримем меры против той женщины. Позднее Его Высочество Цин Ли поймёт все усердия принцессы и будет благодарен Вашему Высочеству за то, что она не позволила ему совершить грубейшую ошибку.

Чан Лю мягко вымолвила:

— Будем надеяться, что так и случится.

За дверью донеслись шорохи. Вслед — голос служанки:

— Ваше Высочество принцесса[5], придворный лекарь пришёл.

Ши Минь, следовавшая из Чжаобэй за своей госпожой, привыкла называть Чан Лю только принцессой, так как последняя занимала во дворце Тун высокое положение, но, тем не менее, являлась принцессой Цин Ли.

— Пусть войдёт, — закончив просить Небеса, Чан Лю сложила руки на груди.

Придворный лекарь с почтением вошёл в дверь, к тому же с особой внимательностью обратился к принцессе, справляясь о её здоровье, сначала поприветствовав, на что принцесса, убрав с лица горестное выражение, скромно кивнула, приказывая лекарю обойтись без церемонных приветствий и поклонов, после чего проговорила:

— Ничего серьёзного, только не хочется есть, слуги напрасно тревожатся. Вы совсем чуть-чуть осмотрите меня, чтобы они не ворчали.

На что придворный лекарь кивнул, отвечая:

— Слушаюсь, прошу, позвольте мне сначала прощупать пульс[6] Вашего Высочества.

Служанки поднесли маленькую подушку, и придворный лекарь приблизился, чтобы внимательно послушать пульс; если же другие слуги вели себя мало заинтересованно, то Ши Минь вместе с Чан Лю, которые совсем недавно упоминали тему беременности, в душе к этому маленькому недомоганию относились с крайней серьёзностью.

Осматривающий госпожу придворный лекарь, прослушивая пульс, свёл брови к переносице настолько сильно, что они буквально сомкнулись, словно мужчина встретился с какой-то огромной проблемой. Недуг, изначально не вызывавший беспокойства, заставил нахмуриться и привёл сердце в подвешенное состояние.

Долгое время сдерживающая себя Ши Минь встала рядом, тихо спросив:

— Придворный лекарь, что беспокоит нашу принцессу?

Но лекарь не проронил ни слова в ответ. Выражая всю сосредоточенность, мужчина, склонившись, с минуту послушал и, словно твёрдо удостоверившись, поднял голову, встречаясь с вопрошающими взглядами Чан Лю и Ши Минь.

— Так что, в конце концов? — даже Чан Лю, не сдержавшись, разомкнула губы.

— Поздравляю принцессу, принцесса лелеет под грудью бремя, — с облегчением вздохнул придворный лекарь, на лице которого распустилась взволнованная улыбка. — Поздравляю[7] Его Высочество Цин Ли! Поздравляю Ваше Высочество принцессу! Поздравляю Тун, ах!

Чан Лю и Ши Минь непроизвольно переглянулись. И впрямь догадки оказались верны. В такой холод, кто бы мог подумать, принцесса неожиданно забеременела от кровного наследного принца Тун. В самом деле, неизвестно, что это было — изумление или счастье... Окружавшие принцессу служанки расцвели, разразившись шумом, так как каждая из них пребывала в удивлении.

— Принцесса забеременела!

— Поздравляем принцессу! Поздравляем принцессу!

— Радость-радость! Направим людей известить Его Высочество Цин Ли об этой прекрасной новос...

— Верно! Служанки отправятся сию же минуту. — И немедля несколько служанок, получив распоряжение и таща за собой длинные флёровые[8] юбки, спешно скрылись за дверью.

Но Цин Ли не было в покоях наследного принца, что находились в другом крыле дворца.

После полудня[9], отведав сдобренного пряностями риса, Его Высочество выглядел несколько обеспокоенно и, воспользовавшись удобным случаем, отправился с визитом к дорогому гостю, живущему сейчас в тунском дворце.

Против всякого ожидания в собственных же стенах принц неожиданно был остановлен приближённой охраной Хэ Ди, что преградила путь паланкину.

— Сожалею, Ваше Высочество, но наш принц сейчас не может принять гостей.

— Не может принять? — изумление появилось на лице Цин Ли. — Неужели... принц Хэ Ди заболел? — Хоть принц питал к Фэн Мину дурные намерения, но к его другу, Хэ Ди, всё же относился с небольшой искренностью, потому на лице читалась шелковинка заботы.

Уже с самого утра у Цин Ли началась лёгкая головная боль, поэтому мужчина, нахмурившись, спросил:

— Неужели вчерашний банкет его утомил?

По слухам, принц Хэ Ди занимался государственными делами, а вчера глубокой ночью ещё встречался с назначенным князем Мином... тем каким-то специальным посланником.

— А что если... он... заболел... — обычные несколько фраз были произнесены прерывисто и с удивлением.

Судя по лицу и его мимике, можно было подумать, что это как раз Цин Ли плохо себя чувствует.

Преградивший ему путь Кун Лю также с изумлением взглянул на пришедшего гостя, но вскоре на лицо, где не имелось ни единого шрама, вернулось спокойствие и умиротворение:

— Вашему Высочеству не стоит волноваться, наш принц крепок здоровьем. Просто принц в данный момент времени молит Хайшен[10] исполнить его желание, потому нуждается в покое.

Цин Ли выдохнул «м-м» и, больше не затрагивая тему плохого самочувствия, непонимающе переспросил:

— Молит Хайшен?

— Это наш морской... Ах, наш Даньлинь молит о счастье и совершает в честь морских духов ритуалы, которые очень важны и могущественны.

— Так принц Хэ Ди...

— Наш принц ради некоего очень важного дела, которое страстно желает завершить, просит благословения Хайшен и сейчас действительно не в состоянии долго беседовать с Вашим Высочеством Цин Ли, искренне сожалею. Кроме того, — Кун Лю без высокомерия и заискивания продолжил, — по обычаям нашей страны тот, кто молит об исполнении желаемого, должен показать духам свои искренние помыслы, потому во время молитвы ему нельзя предаваться совокуплениям, нельзя пить вино и вкушать мяса, поэтому для начала это всё, — приближённый слуга указал на большой кувшин отборного вина, что Цин Ли прихватил с собой, и ещё нескольких разодетых привлекательных и очаровательных тунских девушек, и с лёгкой улыбкой добавил: — прошу Ваше Высочество забрать с собой.

— А... — окружённый несколькими слугами Цин Ли, стоя перед лестницей, в недоумении заглянул внутрь. Голова болела нещадно, словно вот-вот расколется на куски. Казалось, из-за наплыва ещё каких-нибудь мыслей боль зазвучит даже в ушах.

Цин Ли, подняв голову, бросил взгляд на солнечное небо, резкий свет ослепил[11] Его Высочество. Сегодня дела и впрямь шли не гладко — принц, тая злобу, нахмурился: изнеженная Чан И после вчерашнего вечернего банкета, вернувшись к себе, свалилась от болезни, а Его Высочество, уже привыкший к постоянному применению её успокоительных пилюль, сегодня ничего не принимал, потому и мучился невыносимой головной болью.

Изначально Цин Ли хотел, позавтракав, отправиться к Хэ Ди поговорить насчёт оптовой покупки оружия, а в итоге...

— Его Высочество здесь!

— Наконец-то нашли.

К жужжанию, что раздавалось в ушах, добавился надоедливый женский говор.

— Что за шум? — повернувшись, прорычал Цин Ли, пристально глядя на источник звука.

Служанки, спешившие сообщить приятную новость и с трудом нашедшие Его Высочество, внезапно испугались, улыбки на лицах померкли, а сами девушки съёжились от страха:

— Просим у Вашего Высочества прощения, у служанок есть...

— Есть что? — разглядев стоящих перед собой слуг, Цин Ли ещё больше рассвирепел. — Разве вы не служанки Чан Лю? И зачем вы беспричинно явились сюда? При виде вас меня сразу мутит, по какому поводу Чан Лю снова подняла шум? Я знаю её — дня не пройдёт, как она причиняет мне беспокойства, а если упускает подобный шанс, ей тотчас же нездоровится, пф.

Бурлящая радость от его нескольких фраз, наполненных ненавистью, нетерпением и бранью, рассеялась без остатка. И служанки трусливо пролепетали:

— Докладываем Вашему Высочеству: принцесса беременна.

Миг — и весь двор, находящийся перед дворцом, погрузился в тишину. С минуту неподвижный Цин Ли вскоре пришёл в себя и, словно не веря ушам, переспросил:

— Кто, ты сказала, беременна?

— Принцесса...

Цин Ли в ужасе остолбенел, выражение глаз несколько изменилось. Если бы, как и раньше, он с утра, проснувшись, принял пилюлю, поднесённую Чан И, то, вероятно, не отреагировал бы столь сильно. Но именно вчера, какая жалость, Небо отнеслось с участием — Чан И слегла, лишь перед рассветом забылась и провалилась в сон.

Её лекарство хранилось в тайнике, но где он находился, даже сам Цин Ли не знал, хоть принц привык к ежедневному и необходимому приёму лекарства, но рука не поднялась будить горячо любимую красавицу, потому в этот момент, несмотря на мигрень, рассудок Его Высочества был ясен, как никогда прежде.

— Чан Лю... забеременела? — тихо вымолвил он и туманным взглядом блуждающе посмотрел на ворота, ведущие во двор.

Служанки изначально предполагали, что принц, хотя имеющий обожаемую красавицу, при известии о беременности Её Высочества выразит хоть толику радости, в конце концов, это его плоть от плоти[12]. Но сейчас, глядя на него, девушки едва переглянулись и вполголоса осторожно проронили:

— Да, Ваше Высочество. Принцессе в последнее время нездоровится, и её часто тошнит, придворный лекарь осмотрел её и выявил — и правда, это беременность. Поздравляем Ваше Высочество.

«Беременность? Поздравляем!» — разум заволочло, словно огромный силуэт, таящийся внутри, чем-то его накрыл. Он, Цин Ли, прилагал усилия, обдумывая сказанное, однако голову внезапно обдало пламенем резкой боли.

— М... — принц схватился за голову, стеноя.

— Ваше Высочество! Ваше Высочество! — слуги, сильно испугавшись, немедля поддержали Цин Ли, не давая рухнуть на землю.

После довольно долгой передышки Цин Ли нахмурился и открыл глаза, выражая на лице недоумение:

— Голова болит... — пробормотал он. — Сычуаньские собаки лают на солнце[13], я хочу увидеться с Чан И.

Немало приближённых, заботящихся о Цин Ли, поменялось с тех пор, как порог дворца переступила Чан И, но всё же оставалась пара старых слуг, которые очень долгое время следовали за Его Высочеством, и при виде растерянного принца, утратившего прежние жестокость и самодовольство, в них зародился луч надежды, потому старые слуги, не сдержавшись, стали уговаривать:

— Ваше Высочество, принцесса забеременела, это большое событие, Вам[14] не лучше ли... отправиться к принцессе?

— Отправиться к принцессе? — словно одурманенно пробормотал за ними Цин Ли.

— Ваше Высочество, отправляйтесь навестить принцессу. У Вас будет сын.

— Бу... дет сын...

— Верно-о, принцесса Вас ждёт. А Вы скоро станете отцом. — По-прежнему глупо хмурясь, служанки Чан Лю заметили, что данный момент — прекрасная возможность для их госпожи вновь заполучить благосклонность Его Высочества, и пока Цин Ли совершенно не сопротивляется, девушки любезно направили его в маленькую резиденцию Чан Лю.

«Бу... дет сын? Стану отцом?» — медленно переступая с ноги на ногу, Цин Ли оглядывался, в голове словно кололись несколько десятков угловых камней[15], доставляя невыносимую боль. А где Чан И? Внезапный страх охватил душу, и, посчитав находящуюся перед глазами дорожку, что тянулась во дворик Чан Лю, до ужаса незнакомой, Его Высочество обернулся, выискивая совершенно другой путь. Когда принц замешкал, слух тронул чарующий мягкий голос, раздавшийся рядом:

— Ваше Высочество, прошу, входите, принцесса уже заждалась.

— М-м... — голова нещадно болела.

Руки Цзы Яня были связаны путами. Боясь, что обычная верёвка окажется непрочной, люди Хэ Ди специально принесли пропитанные маслом сухожилия[16] и, обмотав не менее десяти витков, туго связали, вдобавок за дверью постоянно кто-то находился, охраняя пленного.

Глядя на подобный строгий надзор, казалось, что тот подлый и двуличный морской разбойник уже давно питает ненависть к нему, Цзы Яню, и пока вдоволь не намучает, едва ли доставит молодому генералу удовольствие, позволив спокойно умереть.

Неуловимый мрачный взгляд этого мужчины был подобен змее, такой же скользкий и липкий, при воспоминании о нём Цзы Янь тотчас же чувствовал, как по позвоночнику пробегает ненавистный мороз.

Такой человек, как этот пират, даже если мстит, то не может действовать открыто, как настоящий мужчина, и неизвестно, к каким именно низким методам может прибегнуть.

Когда мысли теснились в голове, дверь открылась.

— Плохо спали? — вошедший мужчина всё же прищурился и омерзительным взглядом мазнул

по Цзы Яню. — Господин специальный посланник.

На что молодой генерал, холодно фыркнув, отвернулся.

Хэ Ди был облачён в свободное одеяние царствующего рода Даньлинь, а украшенный золотом и яшмой пояс, который отделял верх и низ, ещё больше подчёркивал длинные ноги Его Высочества. Когда этот человек стоял, то поистине казался очень высоким. Вот только на лице красовалась вечно необузданная и высокомерная задумчивость, вызывающая неприязнь при взгляде.

— Видал ли это господин специальный посланник? — Хэ Ди, вытащив меч, беспечно махнул им перед Цзы Янем, ослепляя сиянием стали. Формой он напоминал обычные мечи, часто встречающиеся в одиннадцати государствах, но, в отличие от обыкновенных, на самом клинке, который обладал крайне холодным, но в то же время угрожающим блеском, красовался редкий чёрный узор.

Прекрасный меч.

— Хороший меч, правда? — И Хэ Ди приставил клинок к шее Цзы Яня.

Прикосновение холодной стали к разгорячённой плоти являло недвусмысленные, несущие в себе угрозу, намерения. Бесчувственные уголки губ поднялись ещё выше, стоило увидеть, как Цзы Янь без какого-либо намёка на тщедушность, упрямо, не моргнув и глазом, поднял голову, готовый в любой момент мужественно умереть.

— Это меч моего Даньлинь, нигде больше подобного нет, в сталь добавлена щепотка светящегося песка, к тому же используют особый способ отливки, известный лишь правящему даньлиньскому роду, меч очень острый, — в словах разбойника чувствовалась гордость. — Он самый острый во всей Поднебесной, и никакое другое оружие не идёт в сравнение с его прочностью, какой бы клинок ни встретился на его пути, он его перерубит. — С этими словами запястье дрогнуло, и остриё меча медленно скользнуло вниз от шеи молодого генерала и, минуя сексуальные ключицы, вновь остановилось на левой груди, что скрывалась под тонким слоем верхней одежды.

На лице Цзы Яня возникли злость и возмущение.

— Господин посланник, не хочешь повернуть тот ловкий трюк, что показал ранее, и, добровольно подставив собственную грудь, ударить мечом? — ехидно спросил Хэ Ди, смеясь. — Этот принц лишь раз скажет, а ты — хорошенько слушай. Что этот бредовый договор, что князь Мин, что Жун Тянь — в глазах этого принца не стоят и ломаного гроша. С самого начала это соглашение было создано только ради тебя, и если ты не позволишь мне испытать удовольствие или, осмелев, попытаешься покончить с собой, этот принц тотчас же разорвёт договор, — не упуская из виду промелькнувшее изумление в глазах напротив, Хэ Ди смерил молодого человека смакующим взглядом. — Не веришь?

На что Цзы Янь приглушённо выплюнул:

— Оказывается, помыслы даньлинских людей такие ограниченные, ради маленькой мести даже огромной выгодой от продажи светящегося песка могут пренебречь, вот уж действительно не отличают государственные дела от личных, глупый род.

Хэ Ди насмешкой одарил пленного:

— Помыслы этого принца по-прежнему ограничены, к тому же мне нравится искать невинных, на которых можно излить свой гнев. А не получив от тебя желаемого, угадай, кому я доставлю проблемы?

Первое имя, приходящее на ум, было «князь Мин».

Для пользующегося благом Хэ Ди, являющегося членом правящего рода и имеющего вес среди морских разбойников, было плёвым делом создать проблемы князю Мину, который горел желанием проложить морской путь от Силэй до Даньлин. Стать камнем преткновения на дороге своих господ — подобного Цзы Янь не мог допустить.

Молодой генерал, сжав губы, не проронил ни слова.

Хэ Ди вновь праздно заговорил:

— Господин посланник, если согласишься покорно сотрудничать, этот принц гарантирует своевременную прокладку пути к песку, вдобавок, — остриём меча развратно касаясь чувствительного соска, скрытого под тканью, Хэ Ди прошептал со смехом, — может быть, этот принц, услышав твой радостный вопль, согласится предоставить Жун Тяню пару-тройку таких мечей.

Как и ожидалось, в блестящих словно смоль глазах внезапно вспыхнуло пламя, будто разожжённое потоком ветра.

Душу принца вновь охватило сжимающее сердце предвкушение, как в ту ночь на корабле. Словно держа в ладони редкий драгоценный камень, он не смог сдержаться и сомкнул пальцы, с силой сдавливая драгоценность, тем самым ощущая его звонкую и твёрдую поверхность и убеждаясь, что действительно обладает им. Более того, Хэ Ди нравилось наблюдать за спокойствием, рушившимся под натиском находящегося перед ним мужчины.

Его Высочество ненавидел этого добросовестного и кристально-чистого мужчину, который никогда не принимал других всерьёз, словно его всегда заботили лишь государственные дела.

— Позвольте спросить Ваше Высочество Хэ Ди, что должен сделать этот специальный посланник, чтобы позволить Вашему Высочеству получить удовольствие от сотрудничества? — наконец прервал молчание Цзы Янь.

— Конечно всё, что скажу, ты сразу должен выполнить. — Остриё меча двинулось, и мрачный холод стали поднялся к решительному подбородку молодого генерала. Хэ Ди продолжил: — Для начала дам тебе несколько простых поручений. Начиная с сегодняшнего дня ты должен постоянно находиться подле этого принца.

Цзы Янь нахмурился.

— К тому же должен смириться со всяким, что этот принц вытворит с тобой.

Цзы Яню, когда сталь прижалась к коже, пришлось приподнять подбородок и внезапно с дерзостью прижаться к острию, ни на волос не боясь, что Хэ Ди может в порыве гнева пронзить его горло.

Душу охватил страх, и принц спешно отбросил меч в сторону, не поранив кожу молодого человека, после чего низко прокричал, угрожая:

— Прежде чем сыскать смерти, хорошенько подумай о людях, на головы которых может обрушиться беда.

На что Цзы Янь холодно спросил:

— Что имеете в виду под «всяким»?

Данный вопрос, наоборот, унял гнев Хэ Ди, сам же принц издевательски рассмеялся, нисколько не скрывая двусмысленный взгляд.

— А ты как думаешь, что имеется в виду? — Теперь, когда в руках не было оружия, принц сделал шаг вперёд и, приблизившись, схватил подбородок молодого генерала.

Крепко связанный по рукам и ногам мужчина, обладающий крепким и красивым телом, напоминал внезапно попавшуюся в западню молодую самку леопарда. Медового цвета лицо дарило превосходные ощущения.

Не привыкший к столь эротичным «захватам», Цзы Янь, не выдержав, смог отступить только лишь на шаг, так как спина прижалась к холодной каменной стене.

— М? Неужели я испугал господина посланника? Неужто чувствуете что-то неладное? — Хэ Ди безостановочно следовал по пятам, наступая на добычу и жадно держа в ладони мужественное лицо молодого человека. При этом слишком загадочная[17] улыбка играла на губах Его Высочества. — Не тревожьтесь, этот принц весьма искренний и благородный человек.

«Благородный человек?» — Взгляд Цзы Яня будто говорил: — «Хоть убей, не верю».

— Этот принц под «всяким» подразумевал, что тебе необходимо смириться с интимной заботой этого принца, став его наложницей.

Наполненный неверием взор изменился, выражая: «Ты наверняка сейчас шутишь?»

— Начиная с сегодняшнего дня, господин специальный посланник, Вы станете исполнять роль наложницы, позволяя этому принцу собственноручно делать то, что ему захочется, в том числе помогать переодеваться, ухаживать во время трапезы, кормить и ласкать, убаюкивая тебя... — полный нежности Хэ Ди поглаживал щёку молодого человека, с тяжёлым дыханием излагая о ранее упомянутой «интимной заботе» и какие детали входили в неё.

По коже пробежали мурашки.

— Господин посланник, у этого принца искренние помыслы, небо, земля и даже духи могут быть свидетелями.

— По-моему, ты сумасшедший.

— Этот принц вполне отдаёт себе отчёт.

— Я вовсе не хочу...

— Этот принц ничем не отличается от тебя и также вовсе не хочет, — украшавшая лицо Его Высочества лёгкая улыбка, словно скрывая ненависть до скрежета зубов, порочно искривила губы. — Поэтому чем раньше осуществим задуманное, тем быстрее всё уладится, позволяя всем зажить счастливее, чем прежде, если Вы, господин посланник, позволите этому принцу неизменно ухаживать за Вами. — С жуткой[18] уверенностью, что вскоре удастся полакомиться вкусной едой, Хэ Ди заглянул в глаза Цзы Яню.

«Достаточно выразив — на протяжении тридцати дней — свои «искренние помыслы» Хайшен, я официально вкушу как твоё чистое очаровательное девственное тело, так и мужественность и дерзость».

— Лучше... начну сейчас — помогу господину посланнику переодеться, хорошо? — низко и развратно выплюнув последнюю фразу, Хэ Ди ещё не успел дать волю рукам, как за дверь внезапно донёлся ритмичный стук. Принц нахмурился и ненадолго оставил Цзы Яня в покое. — Войдите.

Увидев на пороге своего приближённого охранника, Его Высочество спросил:

— Что случилось?

Охранник бросил настороженный взгляд на связанного[19] Цзы Яня.

— Говори, чего пришёл, он не помешает.

— Слушаюсь. — Поклонившись, мужчина сделал шаг вперёд и шёпотом доложил: — Ваш подчинённый, в соответствии с приказом Вашего Высочества, постоянно наблюдал за любовницей Цин Ли Чан И, выяснив, что она действительно тайно переписывается с человеком, который находится вне стен этого дворца.

Хэ Ди ни на волос не удивился:

— Где и когда они условились встретиться?

— Не встретиться, похоже, они договорились о тайнике, через который передают друг другу записки, та женщина прошлым вечером, как выяснилось, заболела, однако сегодня, воспользовавшись отсутствием Цин Ли, после полудня кое-как поднялась и, сославшись, что хочет проветриться, направилась к клумбе, разбитой позади дворца. Ваш подчинённый, безмолвно отправившись следом, заметил, как она отослала свою свиту и, пока никто не видит, подняла камень, где и отыскала записку, — говоря это, охранник вынул из-за пазухи бумагу и вручил принцу. — Ваш подчинённый больше всего боялся вспугнуть[20] её, потому не вернулся с её запиской, а лишь переписал содержимое. Честно говоря, перед тем, как положить обратно под камень, Ваш подчинённый очень осторожно вскрыл записку, не повредив печать, дабы не выдать себя с головой.

Хэ Ди, взяв бумагу, небрежно пробежался взглядом по строкам и, подняв голову, как раз заметил сосредоточенное выражение Цзы Яня; лукаво прищурился, раскосые глаза, Его Высочество лениво спросил:

— Господину специальному посланнику очень интересно содержимое записки, не так ли?

На что Цзы Янь, окинув пирата взглядом, вновь отвернулся. Охранник же продолжил, задавая вопрос:

— Принц, если кто-то придёт за запиской, как поступить Вашему подчинённому — приказать своим людям незаметно схватить его?

— Это уже не моё дело, к чему хватать его?

— В таком случае Ваш подчинённый...

— Продолжай следить за той женщиной, и все отправленные ею записки переписывай, дабы потом показать их мне, так же поступай с записками, что будут оставлены под камнем для неё.

— Слушаюсь, Ваш подчинённый повинуется приказу.

Раскосые глаза прищурились сильнее, словно ещё чуть-чуть, и закроются вовсе, засыпая, вот только искрящийся в них блеск стал несравненно ярче, сам же принц медленно проговорил:

— На мой взгляд, заметно, что Цин Ли достаточно много выпил лекарств, влияющих на его рассудок, такие вещи сложно приобрести за пределами императорского дворца, а такой женщине нельзя во дворце Тунъань варить лекарства, поскольку можно навлечь подозрение множества людей. А раз уж кто-то с ней ведёт тайную переписку, то не исключена вероятность, что таким образом можно многое передать, потому следи за ней внимательно, если помимо письма обнаружишь какие-либо пилюли или подобные им вещества, немедленно... — принц внезапно остановился и, обернувшись, бросил порочный взгляд на попавшего к нему в руки специального посланника Его Светлости: — ...тайком их подмени на ничем не отличающиеся, что же касается самого лекарства, принеси его мне, я как раз хочу дать нескольким людям попробовать его. Тц, а с какой стати господин посланник принял такой вид? Этот принц не говорил, что будет тебя этим лекарством кормить. — Вернув бумагу и отправив на задание слугу, мужчина лениво подавил зевок. — Иди, надеюсь, представление станет увлекательнее прежнего.

Выпроводив охранника, Хэ Ди тихо встал у стены, словно полусонный леопард, облизывающий взглядом так и не скрывшуюся от него добычу.

Спустя некоторое время принц, мягко усмехнувшись, начал.

— На чём мы остановились? А-а, вспомнил, сначала помогу господину посланнику переодеться, — угрожающая улыбка искривила губы. — Вначале помогу ослабить верёвку, позволяя твоим онемевшим рукам высвободиться, а уж затем помогу переодеться в чистую одежду. Но прежде чем перейти к делу, поясню: этот принц никогда ни о ком не заботился и отличается крайне скверным терпением, поэтому, если господин посланник не согласится сотрудничать, я сделаю всё возможное, чтобы усложнить жизнь князю Мину.

Цзы Янь, встретившись с его взглядом, невольно почувствовал скользнувший по спине озноб.

«Этот ненормальный подлец является главарём морских разбойников и выходцем из царствующего рода! Отвратительное, мерзкое и гнусное ничтожество! Какие там интимная забота, переодевания и кормление. От взгляда таких людей кожа на голове немеет[21]... Кажется... Он не настроен серьёзно...»

Дни в Тунцэ проходили крайне насыщенно, причём настолько, что молодому господину рода Сяо хотелось плакать, вот только выдавить слезу он не мог. В голове всплывали воспоминания: когда они плыли на джонках по реке Оман, тогда каждый день был наполнен спокойствием, теперь же, несмотря на совместное проживание с Жун Тянем, им с большим трудом удавалось побыть наедине — с каждым днём дел становилось больше, создавалось ощущение, что им нет конца.

Официальные силэйские посланники и впрямь являлись не к стати, а Жун Тянь, по-видимому,

действительно хотел надрать зад этому негодяю, Су Цзиньчао, и потому каждодневно уходил заниматься тайными делами, касаемыми Силэй, и почти каждый раз возвращался далеко за полночь.

Провести вечер вдвоём времени не находилось, а среди бела дня, как назло, нескончаемым потоком приходили люди, ищущие князя Мина, — уединиться в комнате с Жун Тянем становилось крайне сложной задачей.

Примечания:

[1] Хули-цзин — в китайской мифологии девятихвостая лисица-оборотень, здесь в значении: обольстительная и хитрая женщина, соблазняющая женатых мужчин.

[2] В оригинале фраза звучит как «нет спасительного средства (лекарства)», обр. в знач.: неизлечимый; неисправимый.

[3] 伯 (bǐ) — бяогэ — старший двоюродный брат (по материнской линии).

[4] 難尋 (nányǔn) — нань жуншэнь — также можно перевести как «трудно найти пристанище»; «трудно найти себе место».

[5] В оригинале служанка называет Чан Лю 王妃 (wángfēi) — ванфэй — императорская наложница; более того, этот титул может носить и принцесса (европейская) и принцесса-консорт (титул, следующий после королевы).

[6] В Китае прощупывание пульса является одним из четырёх основных методов освидетельствования больного. В китайской медицине применяли тактильные методики, то есть кончиками пальцев дотрагивались до больных участков, тем самым осматривая больного. Даже диагностики по пульсу существовало два вида — пульсовая диагностика и ощупывание (пальпация). «Прослушивая» пульс, чаще проверяли точку лучевой артерии, что находится в запястном суставе, проверяя ритм пульса и его изменения. Пальпацией же проверялись кожный покров, живот (который ассоциировался с душой), грудь (ассоциировалась с умом), учитывалась температура, мягкость и уплотнение, боль при надавливании и прочие странные изменчивые признаки.

[7] 大喜 (dàxǐ) — даси — помимо «поздравляю» также можно перевести как «радостное (знаменательное) событие» (обычно о свадьбе).

[8] Флёр — старинная тонкая, прозрачная, преимущественно шёлковая ткань.

[9] 午 (wǔ) — у — с 11-ти часов утра до часу дня.

[10] Можно перевести как «морской дух\бог».

[11] С оригинала фразу можно перевести ещё как «белый хаос» или «белый Хуньдунь». Хуньдунь — мифологическое существо, воплощение хаоса. Если по-иероглифно разбить, то 混沌 (hùndùn) — хуньдунь — это не просто «хаос», а, согласно древнему фольклору, «первозданный хаос», 得 (de) — дэ — притяжательное, 白 (bái) — бай — «белый».

[12] 骨肉 (gǔròu) — гусюэ — близкий (чаще о детях).

[13] Идиома означает «всему удивляться (в т.ч. обыденным вещам)», т.к. солнце в провинции

Сычуань редко видно из-за дымки.

[14] Слуги произносят 你(nǐ) — нинь — Вы\Ваш (вежливое обращение к одному лицу).

[15] Угловой камень, или угловой руст, — это деталь оформления фасада, представляющая собой массивного вида каменный блок.

[16] Имеются в виду сухожилия рогатого скота. Более того, жилы после высыхания становятся очень твёрдыми, полупрозрачными, светло-жёлтого цвета. Их используют в виде тонких волокон, или, не разделяя на волокна, оставляют цельным жгутом, или нарезают на пластины. Жильные нитки имеют определённую прочность и сопротивление перетиранию и гниению, но всё же боятся влаги.

[17] В оригинале фраза звучит как «высота и глубина совершенно неизмеримы», обр. в знач.: трудно постижимый, недоступный для понимания.

[18] 凌莖毛骨 (lìnggēn máogǔsǒngǔ) — линжэнь мао гу сун жань — жуть берёт; волосы встают дыбом.

[19] 五花大绑(wǔhuā dàbǎng) — ухау дабан — связывать одной верёвкой шею и заведённые за спину руки.

[20] В оригинале фраза звучит как 13-ая стратагема «бить по траве, чтобы испугнуть змею», означающую испугнуть, насторожить, привлечь внимание противника.

[21] 头皮发麻(tóupí fāmá) — тоупи фама — букв. «кожа на голове немеет» — то же, что «кровь стынет в жилах от страха».

<http://bllate.org/book/13377/1190256>